

ная исторія, свято-отеческія писанія, и т. далѣе. Извлекайтѣ изъ нихъ отдѣльныя статьи, издавайте дешевыя брошюры и книжки и распространяйте въ народѣ!.. Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти священныя исторіи и отеческія писанія вамъ *претятъ*,—что вы считаете ихъ, въ своемъ великомъ безуміи, ни болѣе, ни менѣе—какъ мракобѣсіемъ!. Если таковъ вашъ жалкій взглядъ на святыню, то отчего же не издаете вы, народолюбцы и печальники о народномъ просвѣщеніи, книжечекъ историческихъ, не знакомите народъ съ событиями минувшихъ лѣтъ, съ доблестями его предковъ, съ замѣчательными войнами и подвигами отдѣльныхъ героевъ? Почему не составляете краткихъ описаній чужихъ земель и народовъ, не удовлетворяете любознательности народа? Удовлетворяя его любознательности, вы, несомнѣнно, развили бы умъ его, а обогащая этотъ умъ свѣдѣніями изъ разныхъ отраслей наукъ и знанія, преимущественно же свѣдѣніями практическими, въ быту народномъ пригодными, вы, конечно, принесли бы народу великую пользу.... Такъ нѣтъ! На эту сторону вы какъ-то мало обращаете вниманія! Вамъ нужно проникнуть въ священную ограду церковную, касаться, своими нечистыми руками, Ковчега Завѣта!.. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Чѣмъ вы здѣсь можете дать народу—и даете—полезное, просвѣтительное? Не ядомъ ли смертельнымъ напитываете его? Не камень ли п змѣю подаете, вместо хлѣба? Чѣмъ, напримѣръ, извлечеть народъ изъ сочиненія того же графа Толстаго: «Три старца?»—Да только то, что молиться вовсе не надо и что не надо также слушать архиереевъ и пастырей православныхъ, а гораздо лучше слушать разныхъ чудодѣйныхъ старцевъ, проживающихъ въ Брынскихъ лѣсахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ... Чему можетъ научить разбираемая здѣсь книжечка: «Чѣмъ люди живы»?—Одному лишь, повторяю: смѣяться и издѣваться надъ тѣмъ, предъ чѣмъ народъ теперь благоговѣть!.. Вы, господа, только помрачаете свѣтильникъ ума народнаго, а